

Завершение русской контрреволюции

О событиях 3—4 октября 1993 года в России пишут очень мало, а на Западе и вообще ничего. Их замалчивают, игнорируют или занижают до уровня некоего приведения к порядку уголовных преступлений. Зато о событиях августа 1991 года не перестают говорить. Это смещение внимания не случайно. Августовские события 91-го года дают больше оснований изображать эволюцию российского общества после 1985 года как некое освобождение от коммунистического ада и как переход к демократическому раю западного образца. Октябрьские же события 93-го года в любой интерпретации заставляют сомневаться в правдивости официальной информации о них. Что бы о них ни говорили, факт остается фактом: мощные вооруженные силы совместно с частями особого назначения утопили в крови горстку невооруженных людей, а в приступе оплаченного рвения заодно побили множество подвернувшихся под руку случайных граждан. Первые события создают извращенное представление о переломе в русской истории после 1985 года. Вторые же вольно или невольно разоблачают сущность этого перелома, а также неприглядную роль в нем Запада.

Я считаю, что именно события октября 1993 года, а не августа 1991-го заслуживают того, чтобы стать историческим сим-

волом, сопоставимым по степени важности с событиями, которые вошли в историю под названиями «выстрел «Авроры» и «штурм Зимнего», только с обратным знаком. Октябрьские события 1917 года стали символом великой социальной революции, выдвинувшей Россию на роль знаменосца социального прогресса человечества, а октябрьские события 1993-го имеют шансы стать со временем символом самой грязной разрушительной и предательской контрреволюции, низвергнувшей Россию на позорную роль холуйского придатка и зоны колонизации Запада.

Я не вижу надобности доказывать то, что октябрьские события 93-го завершили перелом в истории России, который является контрреволюцией по отношению к коммунистическому социальному строю, рожденному в результате революции 1917 года. Теперь это уже становится общим местом и даже предметом гордости для тех, кто считает себя активным участником перелома. Последний был подготовлен в 1985—1991 годах. Вполне открыто и явно он начался в августе 1991 года. В течение двух с небольшим лет велась колоссальная работа всех сил контрреволюции и оказывалась всемерная поддержка со стороны Запада для доведения его до завершения. События октября 1993 года поставили в нем последнюю точку. Они кровью закрепили фактически сложившееся положение, как бы придав ему тем самым статус законности.

За утверждения такого рода меня нередко обвиняют в чрезмерном пессимизме. Мол, я не оставляю никакой надежды. Надежды кому и какой? То, что я говорю, для многих означает как раз не пессимизм, а крайний оптимизм. Эти люди много лет лелеяли надежду на крах коммунизма в России и самой России. Они делали все от них зависящее, чтобы этот крах произошел. Для них наступило время ликования. И давно ли такому ликованию предавались миллионы рядовых россиян? И многие ли из них хотя бы пальцем шевельнули, чтобы помешать тому, что случилось со страной? Да и сейчас еще миллионы оболваненных россиян именно в крахе коммунизма видят надежду на некое возрождение России.

Если же под оптимизмом и надеждой на лучшее будущее понимать восстановление всего того хорошего, что было достигнуто за годы советского строя, то у меня просто язык не поворачивается сказать какие-то утешительные слова вроде «выстоит Россия, выживет, воспрянет, не впервой, не такое видали» и т.п. Такого не видали. Такое случилось впервые, и надо быть готовым к тому, что впереди у России путь, какому не позавидуешь.

Говорят, будто в России есть силы, способные спасти от полного краха и вновь поднять ее на уровень великой державы, играющей первые роли или по крайней мере одну из первых ролей в мире и в мировой истории. Какие силы? Где они? Дремут? Так они продремлют еще триста лет. Скрыты? Так они и останутся скрытыми навек. Те силы, которые заявили о себе (а никаких других, которые о себе не заявляют, просто не бывает), ничего и никого спасти и поднять не могут, кроме самих себя. Они способны лишь сохранять сложившееся положение, внося в него мелкие поправки, причем без особого ущерба для себя и даже с выгодой.

Те, кто утверждает, будто в России есть силы, способные вытянуть страну из пучины, в которую ее низвергла контрреволюция 1985—1993 годов при поддержке чуть ли не всего активного населения страны, должны опровергнуть хотя бы следующие мои утверждения.

Когда осуществлялся заключительный акт контрреволюции, массы российского населения оставались пассивными. Миллионы людей смотрели телевизионные передачи о расстреле защитников Белого дома. Миллионы людей видели, как зверски убивали их братьев, дерзнувших восстать против недругов своего Отечества. Они не бросились на улицы помешать расправе. А ведь выбежало бы несколько сот тысяч человек, они голыми руками раздавили бы палачей. Выбежали только те, кто аплодировал палачам. Контрреволюция завершилась под аплодисменты тех, кто фактически стал хозяином страны!

Можно ли это считать всего лишь результатом обмана народа? Не думаю. Дело в том, что за годы советской истории в стране произошло радикальное переструктурирование населе-

ния. Сложились многочисленные влиятельные слои, группы, клики, мафии, категории и т.д., которые и стали опорой и движущей силой контрреволюции. Хотя они были и остаются в меньшинстве, именно они стали задавать тон в жизни страны.

Рассчитывать на какой-то мифический народ бессмысленно. Что такое теперь российский народ? И те, кто отдавал приказ убивать повстанцев, есть часть народа. И повстанцы — часть народа. И убивавшие солдаты и милиционеры — часть народа. И аплодировавшие убийцам новоиспеченные миллионеры — часть народа. И начавшие перестройку руководители КПСС — часть народа. Рабочие и крестьяне — тоже часть народа. А какую роль они сыграли в случившемся? Какую — интеллигентская прослойка? Сразу же после расстрела Белого дома, то есть 5 октября, в газете «Известия» было опубликовано письмо группы известных российских писателей. Авторы письма называли повстанцев убийцами, хотя убивали именно их, этих людей, называли фашистами, хотя настоящие фашисты — их убийцы и т.д. Они благодарили Бога за то, что армия и органы правопорядка расправились с повстанцами. Они призывали президента запретить все виды коммунистических и националистических партий, запретить все оппозиционные газеты и признать нелегитимными съезд народных депутатов и Верховный Совет. И эти писатели — тоже часть народа. Одним словом, контрреволюция в России имела глубокие социальные опоры. В результате контрреволюции эти опоры не ослабли, а, наоборот, укрепились.

В России нет великих социально-политических идей, способных вдохновить значительную часть ее граждан на историческое мужество и подвиги, без чего о новом взлете и думать нечего. Ей уже навязали никчемные, шкурнические, ветхие и чужие идеи, рассчитанные на самую интеллектуально примитивную и деморализованную массу людей, лишенных всякого чувства гражданской ответственности за судьбу страны. И такие великие вдохновляющие идеи по заказу не выдумаешь, если они сами уже не заявили о себе ощутимым образом. А весь мир стал таким, что в нем для таких идей просто нет никакой почвы. Все более или менее значительные идеи, владеющие ума-

ми и сердцами мыслящей части человечества, суть идеи асоциальные: спасение окружающей среды, спасение от чрезмерного роста населения, спасение от преступности, устранение атомной угрозы и т.п. Время великих социальных идей прошло. Теперь их просто душат в зародыше, если какие-то идеи такого рода пытаются прорасти. Да и каких идей можно ожидать от бывших профессоров Высшей партийной школы при ЦК КПСС, от бывших работников партийного аппарата, от бывших идеологов марксизма-ленинизма, от бывших полковников и директоров заводов, от продажных перевертышей из сферы гуманитарных наук, от социологически безграмотных писателей и журналистов, от всякого случайного в сфере социальной мысли сброда, заполонившего своими кустарными соображениями страницы бесчисленных газет и журналов? Для рождения великих идей мало несчастья страны. В истории человечества целые цивилизации погибали, не родив даже среднего уровня мыслишки. Для великих идей нужно подходящее время, нужны гениальные умы, нужна достаточно сильная среда, способная по достоинству оценить эти идеи.

У России нет национальной интеллигенции, способной сплотить народ и вдохновить его на новый подъем исторического масштаба. Российские интеллектуалы за редким исключением уже в хрущевские годы сами стали заражаться и заражать соотечественников умонастроениями антипатриотизма, антикоммунизма, антисоветизма и пресмыкательства перед западной идеологией и западным образом жизни, представляя его себе в сильно идеализированном виде. Тот факт, что это не мешало им служить советскому режиму в доперестроечные годы и преуспевать за его счет, ничуть не опровергает сказанное. То двоемыслие, о котором Оруэлл писал еще в 1948 году, было присуще российской интеллигенции в особенно сильной степени. Российская, холуйская по натуре, интеллигенция подготовила население страны к эпидемии предательства, начавшейся в 1985 году, всячески поддерживала процесс разрушения страны и в конце концов оправдала все преступления правящих клик.

Все политическое пространство России уже захватили дилетанты, демагоги, тщеславные болтуны, мракобесы, невежды,

перевертыши, предатели, мелочные хитрецы и интриганы, шкурники, хапуги, трусы, приспособленцы, явные дураки и даже просто клинические шизофреники. В качестве идейных наставников и политических лидеров России были извне навязаны всякого рода ничтожества, раздутые в пропаганде до масштабов личностей эпохальных. Поэтому в России в ближайшем будущем вряд ли возможно появление значительных политических лидеров. Карлики, завладевшие ареной истории, не допустят появления великанов. Для спасения России нужны политические стратеги масштаба Ленина и Сталина, способные в течение многих лет терпеливо проводить определенную и перспективную политическую линию, опираясь на профессиональную партию и на поддержку масс населения. А это невозможно хотя бы уже в силу утраты Россией ее именно стратегической роли в истории. Ленины и Сталины появляются не так уж часто, не чаще чем раз в столетие.

В России больше нет той системы воспитания и образования детей и молодежи, которая еще не так давно вызывала всеобщее восхищение. И даже на Западе специалисты считали ее лучшей в мире. Вместо нее новые хозяева России создают систему растления новых поколений с раннего детства и во всех их жизненных проявлениях, прививая им чуждую русским традициям и характеру народа прозападную систему ценностей, которая подвергается жестокой критике даже самими западными специалистами, идеологами и представителями религии. Те поколения, которые теперь подрастают, принадлежат уже к иному миру, к иной цивилизации, вырастающей не из основ русской национальной жизни, а из заимствованных чужеродных образцов. Они не имеют исторических корней в делах, идеях, в системе ценностей своих предшественников. Растут поколения людей, являющихся карикатурной имитацией всего худшего, созданного западной цивилизацией. С таким человеческим материалом, считаю, уже невозможны никакие великие свершения.

В России произошел полный разрыв поколений — политический, гражданский, идейный, моральный, психологический. Со сцены сошли поколения, которые совершили Великую револю-

цию, подняли страну из развалин, защитили ее от иностранной интервенции, совершили беспрецедентный скачок в культуре, превратили страну в могучую индустриальную державу, подготовили ее к самой страшной в истории войне, разгромили самую мощную вражескую армию в мире, превратили страну во вторую сверхдержаву планеты. От них остались одиночки, оплеванные всеми, оклеветанные, названные «коммуняками», «красно-коричневыми», «фашистами», «сталинистами» и прочими бранными словами. Им на смену пришли поколения шкурников, перевертышей, предателей, разрушителей, капитулянтов. Они не просто подвергли критике то, что было сделано их отцами и дедами. Они разрушили весь механизм преемственности поколений, благодаря которому народ мог существовать как нечто единое целое в историческом времени. Говоря словами Гамлета, в России распалась связь времен.

Меня упрекают в том, будто я только критикую и не предлагаю никакую позитивную программу. Во-первых, я не критикую, а анализирую реальность по возможности объективно. А во-вторых, я предлагаю фактически нечто большее, чем высосанные из пальца и заимствованные на Западе проекты «обустройства России». А именно — я утверждаю, что мы уже имели наилучшее для условий России и для населяющих ее народов социальное устройство, сложившееся в 1917—1985 годах. Советский социальный строй, политическая система, система воспитания, система образования и просвещения, система жизненных ценностей, тип культуры и т.д. были вершиной русской истории вообще. Это, повторяю и подчеркиваю, был оптимальный вариант «обустройства» России, вершина ее исторического бытия.

Я не хочу этим сказать, будто советская система организации жизни общества вообще является наилучшей и очень хорошей. Ее недостатки мне были хорошо известны с юности, я начал подвергать ее критике еще тогда, когда нынешние перевертыши служили ей с великим усердием. Я хочу сказать лишь следующее: все то, что было в России до советской системы, было неизмеримо хуже. И то, что пришло ей на смену, есть упадок, деградация, умирание.

Говоря таким образом, я вовсе не призываю моих соотечественников просто восстановить то, что было до 1985 года. Я прекрасно понимаю, что это уже невозможно практически (прочти, читатель, еще раз изложенную выше характеристику положения в России). Речь ведь идет о проекте общественного устройства, о программе действий для какой-то категории россиян, которых не устраивают нынешнее состояние России и направление ее эволюции. Я говорю таким россиянам (и только им, а не вообще каким-то неопределенным существам): изучите советское общество, и вы выработаете наилучший из реалистичных проектов общественного устройства для России. Но за реализацию этого проекта придется сражаться по законам серьезной истории, причем с жертвами и без гарантии успеха. Контрреволюция, со слов о которой я начал эту статью, есть свершившийся факт. Постсоветский или посткоммунистический период пришел надолго и всерьез. Не надо строить иллюзии, будто новый режим уже изжил себя и вот-вот рухнет. Никакой режим не рухнет сам по себе, его рушат какие-то внешние для него силы. Если ваша борьба против этого режима когда-нибудь увенчается успехом и вы получите возможность осуществить свой проект на деле, то создаваемое вами общественное устройство будет не реставрацией прошлого, а чем-то новым, более адекватным новым условиям.

Контрреволюция в России успешно завершилась в октябре 1993 года. И нам теперь предстоит жить и действовать в условиях посткоммунистической социальной системы. А как действовать, это есть дело желаний, чувств и совести каждого из нас в отдельности.